

БАРБАРА УОЛЛЕС

Самые счастливые времена

HARLEQUIN®

kiss™

Поцелуй – Harlequin

Барбара Уоллес

Самые счастливые времена

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Уоллес Б.

Самые счастливые времена / Б. Уоллес — «Центрполиграф»,
2015 — (Поцелуй – Harlequin)

ISBN 978-5-227-06716-6

Пайпер Раш приезжает во Францию, чтобы исполнить свою мечту – окончить школу кулинарного искусства. Париж встречает ее недружелюбно – шеф не упускает случая раскритиковать ее блюда, одноклассники посмеиваются, а молодой и весьма привлекательный профессор Лафонтен, в доме которого Пайпер работает экономкой, совсем не замечает ее. Фредерик не стремится завязывать серьезные отношения, и все же на просьбу Пайпер помочь ей разыскать потерянный шедевр знаменитого абстракциониста он отвечает согласием. Совместные поиски сближают два одиноких сердца, однако их отношения развиваются так стремительно, что Фредерик принимает решение разорвать эту связь...

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-06716-6

© Уоллес Б., 2015

© Центрполиграф, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Барбара Уоллес

Самые счастливые времена

Barbara Wallace

Beauty & Her Billionaire Boss

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Copyright © 2015 by Barbara Wallace

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Глава 1

Необходимо издать закон, запрещающий мужчине, столь неотразимо выглядящему в смокинге, появляться в обществе. При одном взгляде на спящего в кресле мужчину Пайпер охватывала дрожь. Несмотря на то что пиджак распахнулся, а галстук съехал набок, месье Фредерик Лафонтен все же выглядел на миллион долларов, не говоря уже о том, как восхитительно тонкая рубашка обтягивала мускулистую грудь. Надо непременно узнать, услугами какой химчистки он пользуется. Он спит здесь уже несколько часов, а на одежде не появилось ни единой складочки.

Форма Пайпер не выдерживала и пяти минут, – она провела рукой по черной юбке – ну, или около того.

И еще у нее не было таких красивых высоких скул и великолепных каштановых волос, таких мягких, что их хотелось потрогать. Вероятно, при рождении достоинства выдаются человеку комплектом.

Глубоко вздохнув, она потрясла его за плечо, стараясь не обращать внимания, к каким крепким мускулам прикасается. За восемь месяцев работы на этого человека она так и не научилась противостоять его обаянию.

– Месье! Вам пора просыпаться. Уже начало восьмого.

Он не ответил, и она потрясла сильнее. На этот раз попытка удалась. Веки медленно приподнялись, и он несколько раз сонно моргнул.

– Вы заснули в кресле, – сообщила Пайпер.

– Да? – Голос был низкий, с легкой хрипотцой. – Который час?

– Семь пятнадцать.

– Что? – Он вскочил, задев локтем правой руки чашку с кофе, поставленную Пайпер на стол всего несколько секунд назад. От резкого толчка чашка перевернулась и скатилась на пол, выплескивая коричневую жидкость. – Черт! – воскликнул он, глядя, как на белоснежной ткани рубашки расплзается темное пятно. – Сколько раз я просил вас предупреждать, если ставите мне что-то под руку? Вам известно, что с этой стороны я ничего не вижу.

У нее не было времени произнести и слова, ведь он вскочил так неожиданно.

– Принесу вам салфетки.

– Не стоит. – Он уже скинул смокинг и вытянул рубашку из-под ремня. – Лучше уберите здесь, прежде чем кофе зальет весь ковер. Я приму душ. – Он развернулся, чтобы отправиться наверх.

– Подождите, – воскликнула Пайпер и бросилась поднимать лежащую в дюйме от его ботинка чашку. – Вы чуть на нее не наступили. – Она покрутила чашкой перед его носом.

Если он и оценил ее проворность, то от похвалы воздержался.

– Скажите Мишелю, когда он приедет, что я скоро буду готов. И позаботьтесь о том, чтобы портфель стоял у двери. Слева, – добавил он, повышая голос.

Можно подумать, она могла бы поставить его в другое место. Пайпер кивнула, проглотив язвительный ответ. Ей давно стало понятно, что некоторые бои приходится проигрывать. Сейчас именно тот случай. Как можно выиграть раунд у работодателя, стоящего перед ней с пятном от горячего кофе на животе? Дождавшись, когда он поднимется на несколько ступеней, она осмелилась посмотреть ему в спину. Было бы неплохо проучить его и поставить портфель именно справа.

Конечно, она никогда так не поступит, она не настолько подлая, чтобы издеваться над слепым, точнее, наполовину слепым человеком.

Суть была в том, что кажущиеся придирками замечания были в его случае важнейшими требованиями. Когда она поступала на работу, ее предупредили, что обзор зрения месье весьма

ограничен, поэтому все в доме подстроено под эту его особенность. О каждом устанавливаемом рядом с ним предмете необходимо сообщать, поскольку отсутствие периферического зрения может стать причиной несчастного случая. Как правило, все проходило гладко, но бывали сложности, например, когда он резко входил в комнату, Пайпер смущалась и забывала обо всем на свете, включая его проблемы со зрением.

Дважды удостоверившись, что портфель действительно стоит слева от двери, Пайпер прошла в кладовку.

– Итак, начинается еще один увлекательный день в Париже, – пробормотала она себе под нос, направляясь в кухню. Как неприятно, что чашка с кофе упала на персидский ковер ручной работы; теперь, вместо того чтобы воспользоваться моющим пылесосом, придется оттирать водой и уксусным раствором.

Пайпер совсем не рассчитывала, что ее год за границей пройдет именно так. Предполагалось, что он станет стартом новой, прекрасной жизни. Жизни, полной восхитительных моментов триумфа. Она будет не вечно унылой Пайпер Раш, а шеф-поваром Пайпер Раш, ослепившей своим кулинарным талантом и природным остроумием всех мужчин Франции. Короче говоря, все должно было стать полной противоположностью жизни в Восточном Бостоне.

Впрочем, ей не стоило так обольщаться.

Очень скоро Пайпер поняла, что Париж ничем не отличается от Бостона, только люди здесь говорят по-французски. Для нее это стало только очередным недостатком. Несмотря на то что она много времени проводила среди людей, у нее появилась всего одна-единственная подруга. Все вокруг были озабочены лишь тем, как произвести впечатление на шефа Диспельту. Можно было предположить, что нежелание самой Пайпер подольщаться к боссу в некоторой степени ей поможет, но нет. Вчера она недостаточно долго готовила курицу конфи, а сегодня шеф заявил, что ее кассуле лишено аромата, и прочитал десятиминутную лекцию о том, что у хорошего повара даже «крестьянская еда» получается изысканной. Все ее одноклассники тихо похихикивали. Город огней не скоро будет у ее ног. Пока он не спешит ее полюбить.

Даже Фредерик не обращал на нее внимания, за исключением тех случаев, когда надо что-то ему подать. У него почти не было свободного времени, он разрывался между лекциями в университете и посещением многочисленных светских мероприятий.

Гнетущее одиночество, которое Пайпер тщательно скрывала от людей, грозило вырваться наружу. Ей все чаще приходилось подавлять в себе это неприятное чувство, пока оно не задушило ее. Господи, как много бы она отдала за то, чтобы просто с кем-то поговорить. И с еще большей радостью вернулась бы домой.

Рука невольно потянулась к мобильному телефону, но Пайпер заставила себя вернуть его обратно в карман фартука. В Бостоне сейчас глубокая ночь, ее сестра крепко спит. Пейшенс была единственной причиной, по которой она оставалась в Париже. Ведь та была уверена, что Пайпер живет как в сказке, а учитывая, сколько сестре это стоило, разочаровать ее было бы преступлением. Кроме того, у Пейшенс немало своих проблем; племянник ее хозяйки время от времени умудряется сделать что-то такое, отчего сестра пребывает на грани нервного срыва. Сейчас у нее нет времени нянчиться с младшей сестрой, постоянно жалующейся на то, что год обучения за границей не оказался столь безоблачным и счастливым, как она рассчитывала.

Вооружившись всем необходимым для чистки ковра, Пайпер направилась в гостиную, но остановилась у окна. Отсюда была отлично видна Эйфелева башня, и этот вид каждый раз напоминал ей, что все в жизни не так плохо. Да, ей очень одиноко, но при этом она живет в роскоши. А ведь вместо особняка местье она могла оказаться в убогой квартирке с тараканами. Или, еще хуже, просто на улице. С подобным ей уже приходилось сталкиваться, и повторения печального опыта Пайпер не желала.

Ах, если бы ей было с кем погулять по Парижу, все было бы не так плохо. Но надеяться уже не стоит. Если она до сих пор не встретила родственную душу, этого уже не случится. Придется, как всегда, существовать в тех условиях, в которые поставила ее судьба.

Кстати, ей еще предстоит очистить ковер. Оглядев темное пятно на бежевом ковре, Пайпер вздохнула. Хочется верить, что это не станет знаком того, как пройдет весь оставшийся день.

Фредерик скривился и стянул испачканную рубашку. Причина была не столько в том, что горячий кофе обжег кожу, а в неудовольствии самим собой. Как можно было накричать на экономку? Он вел себя как истеричный ребенок. Разве он не обещал себе, что больше подобного не случится? Неужели он стал одним из тех брюзжащих инвалидов, которые вымещают свое плохое настроение на других? Пролитый напиток не повод впадать в бешенство. И внезапное смущение, ставшее причиной гнева, его не оправдывает.

Что можно ожидать, когда засыпаешь в кресле гостиной? Всею виной последний бокал бордо. Зная, что алкоголь заставляет его погружаться в раздумья, он не должен был его себе позволять. Вчера он несколько часов провел в мире своих мрачных мыслей и не отводил глаз от ярких огней башни.

Он прикоснулся к пятну, и пальцы стали влажными. С трудом поборов искушение разбросать вещи по комнате, он сложил одежду на кровати, чтобы Пайпер было проще ее найти. Костюм и ботинки он аккуратно разместил в шкафу.

Сейчас не один из тех дней, когда, раздеваясь, он сбрасывал все вещи в кучу, и все-таки печальное настроение прошлого вечера по-прежнему с ним. Почему он снова и снова оплакивает прошлое, которое не в состоянии вернуть? В конце концов, он был готов к частичной слепоте задолго до того, как начались проблемы с периферийным зрением. Фактически, с того момента, как врачи заговорили о дистрофии сетчатки. Он хорошо понимал, что настанет день, когда разрушится туннель, через который он видел этот мир, и принял свою судьбу, посвятив жизнь ожиданию. Когда придет время, он будет нести это бремя в одиночку, как и положено порядочному человеку. Он не имеет права увлечь с собой в эту темную пропасть окружающих. Следует отметить, что до сегодняшнего утра он оставался верен своим принципам.

Следует непременно извиниться перед экономкой.

Когда агентство рекомендовало ему на это место американскую студентку кулинарной школы, он счел идею абсурдной. Зачем ему человек, временно проживающий в стране? Скорее всего, ее будет интересовать лишь учеба и достопримечательности города. Но выяснилось, что Пайпер просто образцовый работник. Не считая сегодняшнего инцидента, она выполняла все свои обязанности и не была навязчивой. Откровенно говоря, они иногда не встречались по несколько дней. Именно такой персонал и нужен Фредерику. Сегодняшний разлитый кофе был не в меньшей степени и его ошибкой. Наверняка Пайпер поставила чашку, чтобы разбудить его, она не могла знать, что он так резко вскочит.

Да, ему просто необходимо извиниться.

К сожалению, сейчас на это времени нет. Наклонившись ближе, он разглядел циферблат часов на тумбочке. Хорошо, что еще есть несколько минут принять душ и успеть к первой паре в университет. Даже плохо начавшееся утро не служит оправданием для его начальства, им надо, чтобы занятия начинались вовремя. Придется отложить извинения на вечер. Перед концертом он найдет Пайпер и скажет, что утром повел себя несдержанно. А потом они оба забудут, что это утро было в их жизни.

Чистка ковра превратилась в трудоемкое занятие за весь день. Прежде всего, это заняло больше времени, чем Пайпер предполагала. Помимо одного большого пятна обнаружилась еще

дюжина мелких. Закончив, она поняла, что опаздывает. Шеф Диспельту, разумеется, был невообразимо рад увидеть ее в дверях за пять минут до начала занятий. Только этого не хватало.

– А где же вдохновение? – восклицал мэтр. – Ваши специи не танцуют, они еле волочатся. Я жду от своих студентов волшебства на кухне, а не... – Он бросил вилку в тарелку с таким лицом, словно на ней лежали смердящие отбросы, и проследовал дальше, давая понять всем, что Пайпер не стоит его драгоценного времени. – А не столь жалкого зрелища, – пренебрежительно бросил он.

Почему она вообще здесь?

Продолжая комментировать, шеф удалялся, нимало не заботясь, слышит ли его кто-то или нет. Да и зачем ему беспокоиться, раз весь класс думает об одном и том же? Студенты украдкой зашептались.

Пайпер выпрямилась, стараясь не обращать внимания на шефа и соучеников. Это правило номер один: никогда нельзя показывать, что им удалось тебя задеть. Нельзя терять контроль над чувствами. Нельзя позволить увидеть твои слезы. Это только даст им шанс тебя запугать. Пусть шепчутся за спиной, она не доставит им радость увидеть, как ей обидно.

Слова шефа звучали в голове всю дорогу в метро и позже дома. Войдя в гостиную, она увидела разводы на ковре, подтверждавшие, что и с этой задачей ей не удалось справиться. Пайпер понимала, что готова сломаться.

К черту кулинарную школу. Бросив сумку в кресло, она понеслась в кухню. К черту месье и его заляпанный ковер. К черту Париж, с его уютными кафе на тротуаре и магазинами, зайти в которые она не может себе позволить. Как же она все это ненавидит!

Углеводы. Сейчас ей необходимы углеводы. Дернув дверцу холодильника, она достала кусок сыра чеддер и лук. Макароны со сливочным соусом и сыром – вот что сейчас нужно одинокой и несчастной Пайпер. Как вам такая крестьянская еда, шеф Диспельту?

Только бы перестать плакать. Смахнув слезы, она решительно принялась тереть сыр.

– Вот вы где, – раздалось за спиной.

– Что еще? – прорычала Пайпер. Чем еще он решил испортить ей настроение?

Фредерик заморгал от удивления, не готовый к такой реакции. Отлично. Теперь она позволяет себе так безобразно разговаривать с боссом.

Пайпер в ужасе принялась с еще большей энергией тереть сыр.

– Простите, я хотела сказать, месье. – В этот момент слезы некстати хлынули из глаз, и она запрокинула голову, заметив краем глаза протянутое бумажное полотенце.

– С вами все в порядке?

Почему он так вежлив? От этого становится только хуже.

– Да, спасибо.

Взяв полотенце, Пайпер вытерла глаза и нос.

– Выглядите вы не очень счастливой.

– Это все из-за сыра.

– Ясно. Видимо, этот очень острый.

Пайпер проигнорировала замечание и высморкалась.

– Вам что-то нужно, месье?

На его лице внезапно появилась ласковая улыбка. Видимо, он не хотел, чтобы она опять разрыдалась.

– Да. Я хотел извиниться за то, что сорвался сегодня утром. Из-за кофе. Вы ни в чем не виноваты.

«Да, ни в чем», – хотелось крикнуть ей. Ведь так и было. Но раз он извинился, ей ничего не оставалось, как вежливо ответить:

– Мне стоило заранее подумать и не ставить кофе туда, где вы его не увидите.

– Я вел себя как невоспитанный ребенок, – перебил Фредерик. – Нехорошо обвинять других в том, что случилось из-за собственных недостатков.

Пайпер не была уверена, что частичную слепоту можно считать недостатком, но приняла извинения. Если бы она этого не сделала, они бы потратили весь вечер на пререкания и оправдания.

– Спасибо, – сказала она, хлопнув носом.

Этот человек никогда не узнает, что его извинения, словно солнце, осветили ее день.

– Дать вам еще бумажное полотенце? Нужно бы предложить вам что-то симпатичнее, но я не из тех, кто носит с собой носовые платки. Хотите салфетку?

Пайпер невольно улыбнулась, представив, как он достает ей льняную салфетку из комода.

– Спасибо, уже все хорошо. – В глазах еще стояли слезы, но их она могла сдерживать. Надо скорее умыться, и ей будет лучше. – Вы... – Она опять зашмыгала носом. – Вы будете ужинать дома?

Конечно, она знала ответ. Фредерик редко проводил вечера дома. Это время посвящалось светским мероприятиям. Пайпер не представляла, откуда он берет силы на такой активный образ жизни.

Как она и предполагала, Фредерик покачал головой:

– У меня билеты на концерт. Я заехал переодеться.

Значит, дома он будет, как всегда, поздно.

– Я прослежу, чтобы свет в холле оставили включенным.

– Благодарю. – Он развернулся, собираясь уходить, но остановился. – Почему бы и вам не сходить куда-нибудь вечером? Время, проведенное с друзьями, поможет вам забыть о печалих.

Непременно поможет, только вот у нее нет друзей.

– Я... – К счастью, в этот момент раздался сигнал о полученном сообщении, что спасло ее от необходимости бесстыдно врать.

– Похоже, у ваших друзей появились идеи, – заметил Фредерик.

Пайпер достала из кармана телефон и улыбнулась, прочитав текст.

– Это от сестры. – Она и сама не понимала, почему ей хочется ему это объяснить.

– У вас есть сестра.

Полувопрос-полуутверждение. Разумеется, он знал. Хотя, возможно, и нет. Разговор грозил стать самым длинным за все время их знакомства.

– Она работает экономкой в Бостоне.

– Получается, это ваше семейное дело.

– Скорее, не семейное дело, а семейная ситуация. – По выражению его лица было ясно, что шутка не удалась. Неудивительно. Она получилась не смешной. – Сестра хотела поболтать по видеосвязи.

– У вас появилась надежда на приятное времяпрепровождение.

– Да, – улыбнулась Пайпер. Разговор с Пейшенс несомненно поднимет настроение.

– Рад за вас. – И впервые, насколько она помнила, Фредерик искренне и тепло ей улыбнулся. – Я оставляю вас, не буду мешать разговору. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи. – К своему ужасу, Пайпер едва не выкрикнула: «Не уходите!». Одиночество страшно ее тяготило, и даже пустяковый знак внимания мог стать толчком для полной потери контроля над собой.

Дождавшись, когда хлопнет входная дверь, она поспешила к компьютеру. Ее квартирка располагалась в задней части особняка. Это на самом деле была квартира, состоящая из спальни, гостиной и ванной комнаты, и она была лучше всего, что Пайпер могла бы себе позволить. Кроме того, кухня была в ее распоряжении, а кухня месье – мечта любого начинающего повара.

Именно туда Пайпер и перенесла ноутбук. Пейшенс настаивала именно на видеосвязи, значит, планировала долгий разговор. Если поставить ноутбук на стойку, можно готовить и разговаривать одновременно. И представить, что она дома. Почти.

Несколько кликов – и на экране появилось лицо Пейшенс Раш. Через секунду, нахмурившись, она произнесла:

– У тебя красные глаза. И опухшие. Что-то случилось?

Боже, это становится вопросом дня. Стоило прежде посмотреть в зеркало и немного привести себя в порядок.

– Нарезала лук, – отмахнулась Пайпер. По крайней мере, это служит лучшим оправданием, чем натертый сыр.

Жаль, что сестру не так просто обмануть, как хозяина.

– Лук, говоришь. Ты уверена?

– Да, уверена.

Пейшенс приподняла бровь. Это срабатывало безотказно.

– Ладно, ладно. Ну, я позволила себе дольше обычного думать о доме.

– О, милая, я тоже очень скучаю. Послушай, всего пара месяцев – и ты вернешься в Бостон и будешь хвалиться, что стала крутым французским поваром. Ты не представляешь, как я тобой горжусь.

– Представляю, – улыбнулась Пайпер, но сердце сдавило, что случалось каждый раз, когда сестра заводила разговор о ее великолепной жизни в Париже. – Так почему ты звонишь мне в середине дня? – спросила она, чтобы сменить тему. Пейшенс казалась сегодня слишком восторженной, полной противоположностью той, какой она видела ее на экране последние несколько раз. Лицо ее светилось, впрочем, возможно, всему виной помехи.

– А что? Разве я не могу соскучиться по младшей сестренке?

– Можешь, разумеется. – Младшая сестренка и сама очень скучала. Пайпер незаметно смахнула пару слезинок. – Но обычно ты мне пишешь. Похоже, тебе есть о чем рассказать.

– Мне всегда есть, о чем с тобой поговорить.

– Угу. – Как мило, но ее просто так не проведешь. Особенно когда Пейшенс так светится. – Рассказывай, что произошло.

– Хочу попросить тебя об одолжении.

– Я так и знала. – Чем она может помочь сестре, находясь здесь? Отправить сувенир? – Признавайся, что тебе нужно?

– Мне нужно, чтобы ты кое с кем встретилась в Париже.

– И с кем же?

Пайпер внимательно слушала объяснение сестры. Ей предстояло навестить сестру умершего художника по имени Найджел Руж.

– Послушай, кажется, кота твоей хозяйки зовут Найджел? – перебила ее Пайпер. Пейшенс частенько рассказывала об огромном коте породы мейн-кун по кличке Найджел.

– Это его кошечий тезка. В семидесятые Найджел был любовником Анны. – Анна была пожилой дамой, на которую работала Пейшенс. Сестра принялась рассказывать трогательную историю о романе хозяйки и художника. – Существует вероятность, что сохранилось хотя бы одно полотно, для которого позировала Анна.

– И ты хочешь, чтобы я встретилась с сестрой Найджела и это выяснила?

– Если кто и знает, какие из работ Найджела сохранились, то это члены его семьи.

Вполне логично. Особенно если Найджел был так же близок с сестрой, как она с Пейшенс.

– Полагаю, с тобой она встретится охотнее, чем с частным детективом.

– Надеюсь, я не выгляжу устрашающе, – усмехнулась Пайпер. Как правило, в жизни чаще пугалась она сама.

– Так ты мне поможешь?

– Конечно. – Пара часов свободного времени у нее всегда найдется. Этот визит поможет разнообразить монотонные будни. – Я позвоню завтра и выясню, когда она сможет меня принять. Возможно, вам повезет, и в доме художника найдется огромный портрет Анны.

– Это будет грандиозно, – рассмеялась Пейшенс, – но я и Стюарт будем рады любой информации.

– Стюарт? – Это что-то новенькое. До недавнего времени Пейшенс с презрением называла Стюарта Даченко слабаком. Отложив нож, Пайпер склонилась к самому экрану. – Что там у вас происходит? Он не имеет ничего против? Ну, ты понимаешь, против клуба?

– Кажется, нет.

– Видишь? Я говорила, он все поймет. Ты ведь пошла туда работать не потому, что тебе нравится танцевать полуголой. – Приблизительно так она отвечала, когда ее дразнили в школе. Разумеется, сестре она об этом не рассказывала, та и без того ужасно смущалась.

По лицу Пейшенс пробежала тень.

– Ты права, вовсе не для этого. И Стюарт говорит, что он понимает.

– Подожди, что значит «говорит, что понимает»? Ты ему веришь? – Было нечто в словах сестры, что не нравилось Пайпер.

– Да, верю. Стюарт прекрасный человек.

– Тогда в чем проблема?

– Ни в чем...

– Пейшенс, ты что-то недоговариваешь.

Сестра покраснела, как помидор, а это могло быть лишь по одной причине...

– О боже! Пейшенс, у тебя что-то с хозяином?

– Не с хозяином, – быстро ответила сестра. – С племянником хозяина. – Почти одно и то же, и обе это отлично понимали. Поэтому Пайпер спросила:

– А какая разница, Пейшенс?

– Одно дело встречаться с боссом, а другое дело с его соседом.

Отличное объяснение.

– Единственный сосед моего босса, которого я знаю, мальчик одиннадцати лет, да и сам Фредерик даже не...

– Что «даже не»?

«Не замечает меня, – хотела сказать Пайпер. – Сегодня впервые он заговорил со мной не по делу». Рассеянно глядя в экран, она провела рукой по щеке, вспоминая, как это было.

– Пайпер?

– Да, прости. Потеряла мысль. Но ты так и не ответила на мой вопрос: ты встречаешься со Стюартом Даченко?

Пейшенс помрачнела.

– В данный момент да.

От такого ответа Пайпер стало нехорошо. Такое же чувство возникало в детстве, когда она ждала, что заденет мяч во время игры в вышибалы. Обычно она оставалась последней.

Пайпер заставила себя растянуть губы в улыбке.

– Как здорово! Очень за тебя рада! – Реакция вышла какой-то детской. На самом деле у нее не было оснований грустить, она должна радоваться за сестру. Виной всему засевшая в сердце тоска.

– Не стоит преувеличивать, – фыркнула сестра. – Нам хорошо вместе, вот и все. Ничего серьезного.

Однако блеск в ее глазах подсказывал, что она о чем-то умалчивает. Ничего, очень скоро Пайпер узнает правду.

Они еще довольно долго болтали, смеялись и шутили, и тоска и грусть ненадолго рассеялись.

– Почему ты не готовишь что-то изысканное французское? – спросила Пейшенс, видя, как сестра ставит макаронную запеканку в духовку.

– Потому что сейчас мне хочется макарон и сыра. Тебе станет легче, если я назову это блюдо макароны у фромаж?

– Станет немного. – На другом конце света сестра поерзала на стуле и вновь нахмурилась. – Ты уверена, что у тебя все хорошо? Ты что-то сказала о своем хозяине. Он по-прежнему хорошо к тебе относится?

И опять Пайпер растянула губы в улыбке.

– Он прекрасно ко мне относится.

– Странно.

– Что ты имеешь в виду?

– То, с каким придыханием ты ответила.

Пайпер закатила глаза. Других выводов от сестры она и не ожидала.

– Я нормально ответила. Он хорошо ко мне относится. Мы почти не видимся. – Сегодняшний день стал исключением. – Знаешь, не у всех такие теплые отношения с хозяевами. Я говорю об Анне, – поспешила добавить она, прежде чем сестра неправильно все истолковала.

– Ну, раз он ведет себя нормально...

– Нормально, уверяю тебя.

Они еще немного поговорили о всякой ерунде. Пейшенс рассказала о Найджеле-коте и о том, как дела у Стюарта. Пайпер солгала, уверив, как все чудесно в кулинарной школе. К тому моменту, как сестры попрощались, запеканка была уже готова и даже съедена. Вечер прошел именно так, как она мечтала, но, к сожалению, стоило выключить компьютер, как тоска навалилась на нее с прежней силой.

– Во всем виноват Голливуд, – сказала Пайпер светящейся вдалеке Эйфелевой башне. – Во всех фильмах они показывают Париж таким потрясающим, и у людей невольно зарождаются мысли, что жизнь под небом Франции будет похожа на волшебный сон.

От ее дыхания на стекле появилось пятно, и она стерла его рукавом. Пейшенс была бы сейчас в ужасе. Она сама всегда очень серьезно относилась к уборке.

Возможно, если бы она работала усерднее, прилагала на занятиях больше усилий, окружение научилось бы ее ценить. Если бы ко всему она относилась с энтузиазмом, то и жизнь была бы легче и веселее. Сейчас же она ощущает только усталость. Действие углеводов прекратилось, вернулась грусть, иссякли последние силы, которые еще оставались после уборки кухни. Пайпер опустила в кресло и невольно приняла ту же позу, в которой нашла утром Фредерика. За окном искрилась огнями башня. Пайпер откинула голову и принялась любоваться творением Эйфеля. Разве оно не прекрасно?

– В этом кресле сразу хочется спать, верно?

Вопрос прозвучал над ухом неожиданно и немного сурово. Пайпер вскочила на ноги, схватила первое, что попало под руку, и приготовилась защищаться.

Фредерик рассмеялся и поднял руки.

– Простите. Не хотел вас напугать.

– Вы не напугали. – Учítывая, что в руках она держала подушку, поверить ей было сложно. – Не ожидала, что вы вернетесь так рано. – Ведь еще не поздно, правда? Пожалуйста, пусть будет не поздно.

– Моя знакомая почувствовала себя плохо, и мы ушли в антракте.

Он оглядел ее с удивлением, и Пайпер похолодела, вспомнив, что вместо формы на ней все еще пиджак кулинарной школы.

– Заработались?

– Нет. Я... я собиралась, но...

– Шучу.

– Да, конечно. – Какое счастье, что свет в комнате приглушенный и он не видит, как пылают ее щеки.

– Если помните, я сам предложил вам расслабиться этим вечером. Рад, что вам удалось. – Он отошел к окну, скрестил руки за спиной и постоял так несколько минут, любуясь башней.

Пайпер давно заметила, что Фредерик полностью концентрируется на том, что делает. Идет. Смотрит в окно. Некоторые привычки были связаны с плохим зрением, но, несмотря ни на что, движения его были уверенными, он действовал четко и давал понять, что все, что может, готов делать сам. Если бы он был учеником шефа Диспельту, то справился бы с любым блюдом не хуже учителя.

Внезапно Пайпер поняла, что эти глаза цвета асфальта смотрят на нее. Он что-то сказал, а она не слушала. Поблагодарив тусклое освещение, она осмелилась переспросить:

– Простите, что вы сказали?

– Я спросил, довольны ли вы проведенным в Париже годом?

Значит, он не понял причину ее слез?

– Прекрасный город.

– Да, это так. Вам многое удалось посмотреть?

– Не очень.

В первое время она изучала город с удовольствием и трепетом, но вскоре прогулки в одиночестве ей наскучили.

– Успеваю кое-что увидеть по дороге из школы на работу. У меня не так много времени.

– Плохо. Вам надо задаться целью посмотреть как можно больше. Неизвестно, будет ли у вас еще возможность приехать.

– Я запомню ваш совет. – Пайпер казалось, что он имеет в виду не только красоты города, или из-за усталости она пытается разглядеть то, чего нет. Он говорит так убедительно, почему бы ей не прислушаться к совету?

Против своей воли Пайпер занервничала. Фредерик был таким элегантным в летнем костюме, что ей стало стыдно за свой измятый пиджак и исходивший от рук запах лука.

Внезапно в комнате стало душно. Положив подушку на место, она произнесла:

– Мне необходимо закончить уборку на кухне.

В помещении не было ни пятнышка, но другого повода сбежать она не нашла.

– Да, и простите, что расплакалась.

– Вы прощены, Пайпер. Надеюсь, все, что вызвало ваши слезы, завтра уже не будет вас расстраивать.

– Надеюсь, – пролепетала она и собиралась пожелать ему спокойной ночи, но Фредерик уже стоял к ней спиной и продолжал любоваться огнями башни.

Возможно, всему виной блики на стекле, но он неожиданно показался Пайпер таким одиноким и далеким от этого мира. Может, она и не самый одинокий человек в Париже?

Фредерик Лафонтен одинок. Это она теперь знала точно. А еще поняла, что очень устала.

Глава 2

На следующее утро Пайпер позвонила Мари Руж-Монпелье. К ее удивлению, пожилая дама выказала огромное желание увидеться, и особенно настаивала после того, как услышала упоминание о работах своего брата. Она пригласила Пайпер прийти после ланча. Это означало, что придется пропустить занятия, и это даже немного радовало. Выходной будет сейчас очень кстати, поможет прийти в себя.

Мари, как оказалось, проживала в одной из башен в районе Ла-Дефанс – деловом квартале в ближайшем пригороде, добраться до которого было проще, чем она ожидала.

Не желая являться раньше времени, Пайпер решила осмотреть окрестности. Ее внимание привлекла Большая Арка, задуманная архитектором как вариант знаменитой Триумфальной арки двадцатого века. В такой прекрасный летний день, когда погода была не слишком жаркой и не слишком прохладной, так приятно прогуляться по улицам. Начался обеденный перерыв, и кафе и рестораны стали заполняться людьми. Туристы предпочли различным заведениям лужайки парка неподалеку. Проходя мимо, Пайпер наблюдала за тем, как весело они смеются и обсуждают увиденное. Может, Фредерик имел в виду именно это, когда советовал посмотреть в городе все, что только возможно?

Мысли о хозяине выбили ее из равновесия. Когда она проснулась утром, его уже не было дома. Это ее не особенно удивило, поскольку так бывало большую часть дня, но она надеялась, что после вчерашнего вечера что-то может измениться. Перед глазами стоял его образ у окна, сердце сжималось от сочувствия его одиночеству. Фредерик был глубоко погружен в свои мысли, и от этого казался далеким и непонятным ей.

То, чем она сейчас занималась, можно выразить одним словом – прожекты. Или двумя – пустые мечты. В любом случае, ей необходимо остановиться. Ее постоянно плохое настроение не означает, что босс пребывает в таком же состоянии.

Неожиданно разболелись ноги, протестуя против открытых туфелек, надетых после нескольких месяцев ношения ботинок. Пайпер огляделась, выбирая кафе, где можно было бы передохнуть, и заметила на углу много свободных столиков под бордовыми с белым тентами. Устроившись в одном из кресел из ротанга, она достала мобильный телефон, когда услышала знакомый голос, заказывающий чашку эспresso.

Она повернулась. Даже в очках-авиаторах, закрывающих половину лица, она узнала Фредерика.

Он был один. По крайней мере, кресло напротив не было занято, а вытянутые ноги, загромождающие к нему проход, наводили на мысль, что он никого не ждет. Она оглядела его длинные ноги, отмечая, как узкие брюки подчеркивают развитые мышцы, и подумала, что сегодня он, похоже, в более приподнятом настроении.

Должно быть, чувствовать себя уверенно намного приятнее, чем постоянно стараться казаться таковым. И конечно, здорово быть таким красавцем. Пейшенс любила повторять, что красивым быть совсем не обязательно, поскольку красота быстро уходит. Пайпер не знала, согласна ли она с сестрой. Ведь ее никто не считал красивой. Ребята в школе посмеивались над тем, чем занимается ее сестра, хотя в глазах у них при этом вспыхивал огонь. На нее саму так никто никогда не смотрел.

Внезапно, будто почувствовав ее взгляд, Фредерик повернулся в ее сторону. Пайпер подумала, что будет лучше сделать вид, что она его не заметила, но вместо этого почему-то махнула рукой. Он никак ей не ответил. Пайпер уже была готова обидеться, но вовремя поняла, что находится вне поля его зрения. Пригладив юбку, она встала и подошла к столику.

– Бонжур, месье, – произнесла она с улыбкой.

Приветствие, произнесенное с американским акцентом, заставило Фредерика вынырнуть из своих мыслей. На данный момент он был знаком лишь с одним человеком, который так говорил. Несколько раз моргнув, он уловил вихрь желтого и красного на краю картинки. Подняв голову, он увидел знакомое лицо брюнетки.

– Пайпер? Как вы здесь оказались?

– Я сидела через два столика. Помахала, но вы не обратили внимания.

Не стоит забывать о вежливости. Они оба понимают, он не ответил, потому что она сидела не с той стороны.

– Задумался, – поспешил ответить Фредерик, поддерживая ее игру.

– Я вам не помешала?

– Нисколько. Пытаюсь убить время после рано закончившейся встречи. – Еще одного бессмысленного визита к офтальмологу. Он раз в несколько месяцев приходил к врачу лишь для того, чтобы услышать, что зрение его не стало лучше. – А вы?

– Вообще-то пытаюсь убить время *перед* встречей, – улыбнулась она.

Фредерик неожиданно для себя понял, что ему приятно видеть Пайпер. В доме она всегда носила пиджак кулинарной школы или строгую форму, которая была полной противоположностью той, о которой мечтала бы любая горничная-француженка. А это платье... Яркие цвета определенно ей идут. Кроме того, он мог любоваться ее открытыми плечами, что раньше было невозможно.

– Встречаетесь с другом? – спросил он. Предстоящее свидание объясняло такой наряд. Ему внезапно стало любопытно, с кем она проводит время. Ведь о ее личной жизни ему было известно только то, что вчера вечером она из-за кого-то плакала. Странно, что такая привлекательная американка – а она была, несомненно, очень привлекательной – проводит все вечера в Париже в одиночестве.

– У меня встреча в Роуз-д'Армс неподалеку, – произнесла Пайпер. – Это дом для престарелых недалеко отсюда.

– Хотите подобрать себе суррогатную бабушку?

– Нет, – со смехом ответила она. Надо заметить, смех у нее заразительный и веселый. Похож на перезвон колокольчиков. – Это по просьбе сестры.

– Что у вашей сестры может быть общего с домом для престарелых?

– Долгая история. Не хочу утомлять вас подробностями. Я подошла просто поздороваться. Не буду мешать вам заниматься тем, чем...

– Прошу вас, оставайтесь. Будем убивать время вместе.

– Вы уверены, что я не помешаю?

Она выглядела смущенной, и ее не за что винить. Все восемь месяцев они почти не разговаривали, а тут третий раз за два дня.

– Я бы не предложил, будь это так. Какой смысл нам двоим сидеть за соседними столиками? Кроме того, вы меня заинтриговали.

В этом кафе, как и во всех прочих на площади, столики стояли рядом, а не напротив друг друга, чтобы посетители могли насладиться прекрасным видом. Пайпер села, и Фредерика обдало ароматом ванили и пряностей, от которого рот наполнился слюной.

– Вы сегодня что-то пекли?

– Нет, – пожала плечом девушка. – А в чем дело?

– Все в порядке. – Он не ожидал, что от человека может исходить такой восхитительный аромат. – Теперь рассказывайте свою длинную историю.

Пайпер глубоко вздохнула и начала:

– Хозяйка моей сестры, Анна, в семидесятых жила в Париже с художником и часто позировала ему. Ее внучатый племянник, Стюарт, хотел сделать ей сюрприз ко дню рождения и

преподнести картину. Поэтому Пейшенс попросила меня встретиться с сестрой художника и выяснить, не сохранилась ли какая-нибудь работа.

– Полагаю, ваша сестра могла бы найти более простой способ. Если художник известный...

– Вот тут начинаются сложности.

Пайпер отвлеклась и сделала заказ официантке, принесшей его кофе.

– Сложности, вы сказали.

– Художник давно умер. Если верить Анне, он был сравним по таланту с Пикассо. Теодор Даченко купил...

– Простите. – Фредерик вынужден был ее перебить. – Вы сказали, Теодор Даченко?

– Именно, – кивнула Пайпер. – Моя сестра Пейшенс работает у Анны Даченко, его сестры.

Невероятно. Коллекция серебряных изделий Даченко было известна во всем мире. Фредерик лично знал людей, которые мечтали получить экземпляр из коллекции этого русского. Что же касается Теодора, он считался одним из самых безжалостных олигархов двадцатого века.

– Вы хотите сказать, что пытаетесь заполучить портрет Анны Даченко?

– Это не совсем портрет. Она позировала обнаженной. Найджел много писал, кроме того, работы были весьма... откровенные и...

– И Даченко их уничтожил, – закончил за нее Фредерик. – Поразительно. Фамилия Даченко... скажем так, если даже одна картина существует, это станет событием в современной культуре.

– Не думаю, что Стюарту есть дело до живописи, художественная ценность картины для него не важна – он просто хочет подарить тетушке кусочек воспоминаний. Как говорит Пейшенс, Анна по-настоящему любила этого художника.

Вернулась официантка и поставила перед Пайпер чашку кофе с молоком.

– История весьма трагическая, правда, – сказала она и сделала глоток.

Трагическая, но интересная. Фредерик был невероятно заинтригован, такого чувства он не испытывал со студенческих времен.

– Ничто так не будоражит кровь, как возможность открыть миру нового художника, – задумчиво произнес он. – Эйфория захватывает вас, как... – Сравнение со страстью прозвучало бы неуместно в обществе женщины. – Невероятно захватывает. Не многие чувства могут сравниться с этим по силе. Я вам завидую.

– Все это может быть впустую.

– Возможно. – Фредерик потянулся к чашке, размышляя, что, скорее всего, так и есть. – Будет предприятие успешным или нет, азарт все равно присутствует.

– Вы бы не согласились пойти со мной?

Он опустил чашку и внимательно посмотрел на Пайпер.

– Извините, не понял?

– Вы только что сказали, что завидуете мне, кроме того, я совсем не разбираюсь в искусстве. А вдруг картина с изображением Анны висит у этой дамы на стене? Откуда мне знать, стоит ли она тех денег, что готов заплатить Стюарт?

– Вы же говорили, что ценность картины не в стоимости.

– Верно.

Повисла пауза, и Пайпер заерзала в кресле. Вскоре она заговорила опять, и от него не ускользнуло то, как изменился ее голос, стал ниже и менее восторженным.

– Что ж, ладно. Я только предложила.

– Нет, вы не поняли, я буду рад составить вам кампанию. – Фредерик принял решение, не думая, что его подтолкнула перемена в ее голосе.

Улыбка вернулась на лицо Пайпер.

– Здорово! Допьем кофе, и можем идти.

Делая глоток эспрессо, Фредерик думал о том, что нет ничего страшного в том, чтобы нанести визит пожилой женщине в доме престарелых. Вреда от этого не будет.

Откуда же у него такое чувство, будто он ввязывается во что-то более серьезное?

В квартире Мари, разумеется, не было никаких картин. Их встретила высокая женщина с изможденным лицом в бархатном домашнем костюме.

– Профессор! Как интересно, – приветствовала она их с широкой улыбкой и протянула ему руку. – Прошу, проходите.

– Я предполагала, что ваше появление произведет фурор, – пробормотала стоящая позади Пайпер.

Фредерик улыбнулся в ответ, ощущая забытый трепет перед началом охоты.

Он согласился, несмотря на то, что так до конца и не понял, почему Пайпер предложила пойти вместе. Кто знает, когда выдастся случай ступить на знакомую дорожку. Кроме того, как он мог отказать такой красавице. Пайпер прошла в глубь комнаты, и он смог разглядеть ее фигуру. Ей бы позавидовала и обладательница безупречных форм. Мягкие изгибы, стройный силуэт – руки так и тянулись прикоснуться к ней. Решено. Надо избавиться от этой жуткой формы для горничной.

– Какой период вы изучаете, профессор? – спросила Мари. Она уже, прихрамывая, шла по комнате к книжному шкафу.

– Средневековье.

– Найджел сказал бы, что вы застряли в прошлом. Он гордился тем, что противопоставлял себя истеблишменту. Мы все тогда этим гордились. Прошу, присаживайтесь.

Она жестом указала на диван, размеры которого с трудом позволяли так его называть. Чувствуя себя гигантом, Фредерик пристроился на край, удивляясь, как женщина с ростом Мари умудряется чувствовать себя на нем комфортно. Пайпер опустилась рядом, и он вновь с удовольствием вдохнул аромат ванили и пряностей. Такое ощущение, что он зашел в самую прекрасную кондитерскую на свете.

– Мой брат был таким талантливым. Мама утверждала, что он научился рисовать раньше, чем ходить. Я уверена, она преувеличивала. Знаете, я не могу вспомнить и дня, чтобы он не сделал хотя бы рисунок или набросок.

Женщина достала альбом, похожий на большую пластиковую папку, и открыла.

– Вот, – сказала она. – Брату пять лет, а он уже выиграл свой первый конкурс.

Альбом лег на колени Фредерика. Фотография была старой и очень маленькой, поэтому ему было трудно разглядеть изображение, но он наклонился вперед и сделал вид, что внимательно смотрит. Пайпер тоже подалась вперед, и ее колено коснулось его бедра. Фредерик с трудом вдохнул.

– Впечатляет, – пробормотал он, сам не понимая, что имеет в виду, ногу Пайпер или достижения Найджела.

– Он мог бы так много сделать, – продолжала Мари. – Мы все умоляли его отказаться от этого ужасного мотоцикла, но он был упрям. – Голос ее дрогнул. – Простите. – Женщина опустила глаза и поджала губы. – Я так давно ни с кем не говорила о Найджеле.

– Простите, что вызвали у вас неприятные воспоминания, – поспешила вставить Пайпер.

– Все в порядке. Они не такие уж неприятные. Мне кажется, в некотором смысле Найджел был рад умереть молодым. Он как-то сказал мне, что художник находит признание только после смерти.

– Могу назвать вам имена нескольких современных художников, которые поспорили бы с этим утверждением, – заявил Фредерик.

Мари грустно улыбнулась.

– Я никогда не соглашалась с ними. В конце концов, это уже не имеет значения, ведь его работы уже никто не увидит.

Потому что Теодор Даченко приказал их уничтожить.

– Поэтому мы здесь, – произнесла Пайпер. – Моя сестра работает у Анны Даченко.

Улыбка сползла с лица Мари.

– Эта семья уничтожила моего брата, – воскликнула она. – Я была маленькая, но отлично помню, что говорили мои родители о Теодоре и всех остальных Даченко.

Надо отдать должное Пайпер – она оставалась спокойной. Его всегда занимало, как люди реагируют в подобных ситуациях. Его экономка определенно умеет держать себя в руках.

– Как я понимаю, Теодор Даченко заслужил ваш гнев, – продолжала Пайпер. – Он совершил ужасный поступок.

– Возмутительный. Погубил жизнь моего брата, уничтожил его работы и только для того, чтобы у его семьи не было повода стыдиться.

Остальную часть гневной речи Мари произнесла себе под нос.

– Если для вас это важно, Анна прекратила всякое общение с братом после того, как он это сделал.

Мари подняла на нее глаза.

– Правда?

– Да. Сестра говорила, что Анна, как и вы, обвиняла брата в смерти Найджела. Кстати, она так и не вышла замуж.

– Из-за Найджела?

– Она очень любила вашего брата.

Фредерику стало не по себе. Любовь лишила молодую наследницу будущего.

Мари вернулась к книжному шкафу. Ее вытянутый силуэт наполовину скрывала темнота.

– Я встречалась с ней лишь однажды, – после молчания произнесла она. – Найджел пригласил ее на воскресный обед и представил как свою музу. Не скажу, что родители были счастливы. Помню, отец прошептал маме, что Анна «выглядит слишком дорого».

Фредерик живо представил себе картину, как Найджел, их вечно голодный сын, приводит в дом родителей богатую семнадцатилетнюю любовницу.

– Мне известно, что Теодор пытался уничтожить все картины Найджела. – Пайпер заерзала на месте, и на этот раз коснулась его всем бедром. – Мы надеялись, может, несколько полотен все же сохранились?

– Вы полагаете, сохранись хоть одна, моя семья хранила бы ее?

– Возможно, перед приездом Теодора Найджел кому-то продавал свои работы? – предположил Фредерик. – Или подарил друзьям.

Мари покачала головой.

– Мне об этом неизвестно. Из всех работ Найджела сохранилась лишь пара пейзажей, которые он написал еще в художественной школе и подарил маме.

– Что ж, – вздохнула Пайпер. – Мы предполагали, что надежды мало.

Фредерик подумал, что она, кажется, напротив, очень рассчитывала на удачу. Ее разочарование слишком велико, это очевидно. Он сам не раз напоминал своим ученикам, что в жизни часто приходится разочаровываться. Однако сейчас ему не хотелось объяснять это Пайпер, а просто пожать ей руку. На него это совсем не похоже.

Мари тем временем продолжала говорить.

– Я совсем не уверена, что родители позволили бы сохранить хоть один портрет Анны. Они и слышать не хотели о Даченко.

– Да, – кивнула Пайпер. – Я понимаю.

– У моего брата был друг, который может что-то знать. У него галерея в Марэ. Кажется, он добился успеха. Его звали Гаспар.

Фредерик поднял глаза на женщину.

– Гаспар Теру?

– Да, именно так.

– Вы его знаете? – повернулась к нему Пайпер.

– Галерея Гаспара Теру одна из самых уважаемых в Париже.

– Гаспар был очень близок с Найджелом. Только он может знать, продавал ли брат кому-то портреты Анны. Если еще жив.

– Вот что я вам скажу, – обратился Фредерик к Пайпер, когда позже они шли по площади. – Если Гаспар представляет работы Найджела, тот должен быть очень талантлив. В его галерее вывешены полотна самых талантливых молодых художников Европы. Я купил несколько картин сына Гаспара, Бернара. Он немного уступает отцу, но тоже очень талантлив.

Пайпер не было дела до таланта Бернара, ее волновало только то, что поиски зашли в тупик. Она не ожидала, что будет так разочарована ответом Мари, уверявшей, что картины уничтожены. Ее тронула история любви Найджела и Анны.

Она развернулась, чтобы лучше видеть идущего рядом мужчину. Поддавшись внезапному порыву, она пригласила Фредерика пойти с ней. Причина в том, что он увлекся историей; кроме того, она решила, что с ним ей будет спокойнее, если Мари не выкажет той же радости, что по телефону. Женщине любого возраста будет приятно увидеть у себя на пороге мужчину, который выглядит как Фредерик.

А теперь получается, он может стать ее спасением.

– Полагаю, вы не знаете, жив ли еще Гаспар Теру?

– Он жив, но последние несколько лет болел. Проблемы с головой. – Он сделал неопределенный жест рукой.

Именно этого Пайпер и боялась. Вдохнув, она смахнула прядь волос с лица. Что ж, по крайней мере, ей есть к кому обратиться.

– Может, его сыну что-то известно? Как, вы сказали, его имя?

– Бернар.

– Позвоню ему завтра. Может, у его отца сохранились какие-то записи или дневники.

– Искренне желаю удачи. С Бернаром очень непросто связаться. Он предпочитает общаться только с серьезными коллекционерами. Даже в его галерею можно попасть лишь по предварительной договоренности.

Отлично. И как ей добиться этой договоренности? Звонить постоянно, пока Бернар не ответит?

Или... Ей пришла в голову неплохая идея.

– На ваш звонок он ведь непременно ответит, верно?

– Разумеется. Мы много лет сотрудничаем. Хотите попросить меня договориться о вашей встрече с Бернаром?

– А вы могли бы? Тогда он согласится со мной разговаривать. К тому же, если картина найдется, это будет и ваш успех.

Фредерик не смог сдержать смех.

– Что? – Пайпер смутилась. Она никогда не видела столь ироничного выражения его лица. Потом он откинул голову и смеялся громко и от души, глядя в небо. – Вам это не нужно?

– Напротив, признание всем приятно.

– Тогда что вас так рассмешило?

– Нет, ничего.

Что же его так развеселило? Может, это она? Тогда почему ей не щемит сердце, как бывало каждый раз, когда люди над ней смеялись? Вместо этого ей стало на удивление легко и тепло рядом с ним.

– Так вы позвоните Бернару?

– Да, позвоню. Как только доберусь до университета.

– Спасибо вам большое! Вы самый лучший! – Пайпер была так рада, что встретила Фредерика. Пожалуй, сегодня ее лучший день в Париже. Неожиданно для самой себя, она потянулась и обняла его за плечи.

Она прижималась к Фредерику, пока не почувствовала, что пряжка его ремня давит на грудную клетку. Отпрянув, она опустила голову, моля бога, чтобы он не заметил, как покраснели ее щеки.

– Хм... Спасибо вам, – пробормотала Пайпер.

– Рад помочь, – ответил Фредерик.

Интересно, на его лице опять присутствует то же ироничное выражение? Но чтобы посмотреть, ей пришлось бы поднять на него глаза, а это было невозможно.

Учитывая, как горит лицо, лучше достать мобильный телефон и сделать вид, что она что-то ищет.

– Мы неплохо провели с вами время, – услышала она над головой. – У меня скоро факультатив. Попросить Мишеля отвезти вас домой?

И ей придется сидеть рядом с ним на заднем сиденье автомобиля?

– Не стоит беспокоиться. Я доеду на метро. – Так безопаснее. – Я хотела зайти на фермерский рынок.

– Как вам удобно. Я сообщу, что ответил Бернар.

Пайпер проводила взглядом удаляющегося в сторону кафе Фредерика. Он был спокоен и двигался с присущей ему грацией. Очевидно, такая нервная реакция возникла только у нее. Впрочем, как можно надеяться, что будет по-другому?

Глава 3

Когда она вернулась на следующий день из школы, Фредерик ждал ее в гостиной.

– У нас встреча с Бернаром через полчаса, – сообщил он. – Машина уже едет.

– У нас? – переспросила Пайпер, чтобы удостовериться, что верно его поняла. Сегодня они виделись впервые, и после той неловкой ситуации, что произошла вчера, когда она позволила себе его обнять, Пайпер даже не надеялась на столь милостивое обращение. – Вы тоже пойдете?

– Придется, раз уж я принимаю участие в поисках картины. Кроме того, Бернар обмолвился о том, что одно имеющееся у него полотно может меня заинтересовать.

– Правда? – Значит, она его правильно поняла. По телу прокатилась теплая волна радости. – Я скоро буду готова.

Она бросилась в свою комнату, на ходу расстегивая пиджак. Фредерик все очень быстро организовал. Конечно, она помнила, что он обещал ей связаться с художником немедленно, но не ожидала, что встреча состоится так скоро. Он еще сказал, что будет принимать участие в поисках лично. Неужели она не ослышалась? Пайпер была польщена, что важная для нее встреча стояла первым пунктом в списке дел такого занятого человека, как Фредерик.

Платье, в котором она была вчера, висело на спинке стула. Пожалуй, это ее лучший летний наряд. Когда-то она наивно полагала, что сможет купить себе что-нибудь новое в Париже. «И все же это лучше, чем джинсы и футболка», – напредила она себе и поспешно натянула платье через голову. Юбка немного помялась, но в рамках допустимого. Ведь, кроме Фредерика, никто не знает, что вчера она была в том же самом. Решив, что он, скорее всего, не обратил внимания на то, что на ней надето, она подхватила босоножки и понеслась обратно в гостиную.

– Очень быстро, – отметил Фредерик. Он, как всегда, выглядел безупречно, на этот раз в легком льняном пиджаке.

– Вы велели поспешить.

– Я не думал, что люди понимают, что это значит. Вы, должно быть, забыли, что я провожу большую часть дня в обществе студентов, а у нас разные понятия о времени. – Он распахнул входную дверь и жестом пригласил ее выйти. – Идем?

Как и большинство художественных галерей Парижа, галерея Гаспара Теру располагалась в квартале Марэ, в исторической части города недалеко от площади Вогезов.

Пайпер вышла из машины и с удовольствием вздохнула полной грудью.

– Должна вам признаться, эта часть города нравится мне намного больше. – Архитектура деловых районов была современной, а здесь... Это был именно тот Париж, о котором она мечтала. – Бульжники, статуи, все это так...

– Романтично? – подсказал Фредерик.

Сухой тон заставил ее покраснеть.

– Понимаю, я кажусь вам типичной американкой.

– И да и нет. Знаете, это и мое любимое место в городе. Как бы ни впечатляли небоскребы, им далеко до французской классики. Кстати, эта площадь является первым примером городского планирования. Генрих IV обогнал свое время. – Он обвел рукой площадь. – К тому же это одно из немногих мест, где здания выдержаны строго в едином стиле. Видите эти аркады по периметру?

Фредерик продолжал рассказывать об архитектуре и исторических деталях, и Пайпер жалела, что не может все это оценить должным образом. Ее больше привлекало выражение его лица, энтузиазм в глазах, который был виден даже сквозь стекла очков. Его манера гово-

ритель вызвала трепет в груди. Сейчас Фредерик был не такой серьезный, как обычно, будто вырвался из рамок. Пайпер могла бы слушать его вечно. Как хорошо, что у шефа Диспелты не такой завораживающий голос. Она бы постоянно отвлекалась и не смогла бы записать ни один рецепт.

– Не сомневалась, что вы, как искусствовед, отлично знаете предмет, – усмехнулась Пайпер.

Нет, она не ошиблась, и щеки чуть ниже очков-авиаторов порозовели.

– По моему мнению, архитектура – одна из форм искусства. Например, горгульи Нотр-Дама или памятник Людовику XIII на площади Вогезов. Я очень ценю стремление людей вкладывать силы в создание красоты. Когда я думаю об этой части Парижа, особенно если вспомнить, сколько войн пришлось пережить городу, я не могу ей не восхищаться. – Пойдемте, – сказал Фредерик, помолчав немного. – Галерея Бернара на западной стороне.

Взяв Пайпер под локоть, он повел ее в дальний конец площади. Пока они шли мимо галерей и антикварных магазинов, Пайпер с интересом разглядывала витрины, но все же больше ее занимали ощущения от прикосновений Фредерика, хотя он и отпустил ее руку через пару секунд.

– Галерея Бернара под номером тридцать три. Дверь, как правило, заперта, нам придется звонить.

– Закрытая дверь, встречи по договоренности. Вы правы, он избирателен с клиентами.

– Он может себе это позволить.

– Мило. Надеюсь, я все же попаду внутрь.

– Непременно, – произнес Фредерик с улыбкой. – Вы же со мной.

Пайпер издали увидела галерею. Фредерик толкнул дверь и, поняв, что она открыта, распахнул, пропуская Пайпер вперед. Над головой звякнул колокольчик.

– Бонжур! – К ним уже направлялся хозяин галереи – высокий поджарый мужчина с тонкой полоской усов над губой и зачесанными назад волосами с проседью. Взглянув на Фредерика, он расплылся в улыбке, обнажившей два ряда идеальных зубов, и затараторил по-французски с такой скоростью, что Пайпер потеряла надежду уловить, о чем идет речь. – Прошу меня извинить, – вскоре переключился он на великолепный английский. – Я слишком возмущен, что Фредерик так редко у меня бывает.

– А я ответил, что просто завален работой.

– И это истинная правда, – добавила Пайпер. – Месье почти не бывает дома. – Слова прозвучали как жалобы брюзжащей жены, и Пайпер смутилась. – Я хотела сказать, что он слишком много работает. – Вышло не лучше.

К счастью, хозяин галереи был искренне рад видеть Фредерика и спешил показать ему картину.

– Я уже говорил по телефону об этой работе, уверен, тебе понравится. Начинающий художник из Праги. Я нашел его во время последней поездки. Видел бы ты, какие он находит оттенки.

– Не сомневаюсь, что он настоящий мастер, – перебил его Фредерик. – Но прежде позволь Пайпер задать тебе один вопрос. О друге твоего отца.

По лицу Бернара было видно, что он предпочел бы поговорить о своей находке, но он не стал возражать.

– Разумеется. Но, как я и сказал, у отца было очень много друзей. Возможно, они общались еще до моего рождения, тогда я ничем не смогу помочь.

– Он был не только другом, вероятно, еще и клиентом, – произнесла Пайпер. – Сестра того художника полагает, что у вашего отца могли сохраниться некоторые его работы.

Она достала телефон, чтобы показать присланную Пейшенс фотографию одного из полотен.

– Надеюсь, еще сохранились книги с учетными записями о продажах. Его звали Найджел Руж. Это написал он.

Она протянула телефон. Глаза Бернара стали круглыми, брови поползли вверх.

– Бог мой, не могу поверить! Вы ищете это произведение? Картину с изображением обнаженной дамы?

– Да... – неуверенно ответила Пайпер, она уже и сама стала сомневаться, что это так. Выражение лица Бернара заставляло ее нервничать. – А в чем дело?

– Я вырос, любясь этой женщиной.

– Вы... Что?

– Именно, картина висела у нас в столовой.

Невероятно. Пайпер верить не могла в свою удачу. Она уже настроилась на долгий разговор, приготовилась умолять мужчину рассказать, где он видел эту картину.

– Она все еще принадлежит вашей семье?

Бернар покачал головой.

– Боюсь, уже нет. Я продал большую часть вещей, когда мы расставались с домом. Необходимо было оплатить долги. Эта картина была продана вместе с остальными.

Ей надо было заранее подготовиться к тому, что поиски редко бывают легкими и короткими. И все же надежда существует.

– Но вы ведь знаете человека, который ее купил?

– У меня записано все о каждой картине. – Бернар вскинул голову.

– Можем мы узнать имя? – вмешался Фредерик.

Пайпер вздрогнула. Видимо, последние несколько минут Фредерик разглядывал работы, поэтому голос его звучит так глухо.

– Разумеется, но мне потребуется несколько минут, чтобы найти все в компьютере.

– Спасибо вам, – с чувством сказала Пайпер, обращаясь скорее к Фредерику, нежели к Бернару. – Вы очень мне помогли.

– Вернусь, как только найду нужную информацию. А вы тем временем посмотрите картину Бискупа. Она называется «Зауфальствы». – Бернар самодовольно улыбнулся и указал рукой на картину. – Вы будете в восторге от его манеры.

Пайпер подошла к картине. Типичный пример современного искусства. Перемешанные цвета – белый, красный и черный, – вероятно передающие некий смысл. Цена ее впечатлила больше. Она меньше заплатила за весь год обучения в кулинарной школе.

– Что скажете? – обратилась она к Фредерику, стоящему у нее за спиной.

– Любопытно, – только и ответил он.

– Ваш друг действительно думает, что вы сегодня это купите?

– Полагаю, да. Бернар никогда не шутит, когда разговор идет об искусстве.

– Вы так и сделаете? Выпишете чек, если работа понравится?

– Если понравится, да.

Пайпер тряхнула головой. В ее голове не укладывалась мысль о том, что можно одним росчерком отдать сумму, которую ей пришлось копить много месяцев, в прямом смысле откладывая каждое пенни. А Фредерик собирался расстаться с такими огромными деньгами так легко, словно покупал новую рубашку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.